ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

УДК159.9.072
DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-65-81

ИСТОРИЯ СЕМЬИ В СИСТЕМЕ ПРЕДПОСЫЛОК ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Бегунова Л. А.

Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить психологическое содержание интереса к изучению семьи в раннем юношеском возрасте.

Процедура и методы. Исследование проведено с помощью специально разработанной и апробированной анкеты, направленной на выявление отношения респондентов к мотивам составления родословной.

Результаты. В раннем юношеском возрасте интерес к истории семьи имеет оформленную структуру, основными компонентами которой являются самоидентификация, знание истории семьи, ответственность за близких и стремление к сохранению позитивного образа семьи. Получены различия между юношами и девушками по фактору ответственности за членов семьи. Девушки с большей осторожностью, чем юноши, относятся к расширению границ семьи, что, вероятно, можно объяснить более сформированными у девушек представлениями о ролевом поведении в семье, а также об ответственности за близкий круг семейного окружения.

Теоретическая и/или практическая значимость изучения истории семьи может выступать средством личностного развития в воспитательном и педагогическом плане.

Ключевые слова: история семьи, мировоззрение, ответственность, самоидентификация, юношеский возраст

© CC BY Бегунова Л. А., 2023.

FAMILY HISTORY IN THE SYSTEM OF PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF WORLD VIEW IN YOUTH

L. Begunova

Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research
ul. Mokhovaya, 125009, Moscow, Russian Federation

Abstract

Aim. To reveal the psychological content of interest in the study of the family in early adolescence.

Methodology. The study was conducted with the help of a specially designed and tested questionnaire aimed at identifying the attitude of respondents to the motives for compiling a pedigree.

Results. In early adolescence, interest in family history has a well-defined structure, the main components of which are self-identification, knowledge of family history, responsibility for loved ones and the desire to maintain a positive family image. Differences were obtained between boys and girls by the factor of responsibility for family members. Girls are more cautious than boys about expanding family boundaries, which can presumably be explained by girls' more developed ideas about role behavior in the family and responsibility for the close circle of the family environment.

Research implications the study of family history can be a significant means of personal development in the educational and pedagogical terms.

Keywords: family history, worldview, responsibility, self-identification, adolescence

Введение

История – это фонарь будущего, который светит нам из прошлого.
В. О. Ключевский

Становление личности традиционно в отечественной психологии относят к окончанию старшего школьного возраста, к началу трудовой деятельности и достижению человеком гражданской зрелости [2]. Формирование внутренней позиции взрослого человека через обращение к будущему выступает, по мнению Л. И. Божович, принципиальным отличием старших школьников от подростков. Старшие подростки не только смотрят на настоящее с позиции будущего, но и прошлое познают с позиции будущего [2]. В рамках постнеклассической смысловой теории мышления самоидентификация личности рассматривается через трансспективный анализ, когда представление человека о себе, осознание им своего настоящего включает представления о прошлом и будущем [10; 11]. Процесс осознания своего прошлого, настоящего и будущего лежит в основе развития личности. Представление о прошлом начинает формироваться у детей с самого раннего возраста, дети учатся понимать, что событие относится к прошлому, настоящему или будущему в период с 2 до 3 лет [18], т. е. с развитием памяти у ребёнка формируется и представление о прошлом. У молодого человека представление о своём прошлом недостаточно ёмкое, поэтому знание истории семьи, интерес к своим корням и предкам расширяет субъективное пространство личного прошлого. Обращение к прошлому

личности является традиционным методом психотерапевтических практик, оно позволяет человеку расширить его субъективное пространство и стать отправной точкой для саморазвития.

Согласно теории семейных систем М. Боуэна, достаточный уровень дифференциации личности, того, «насколько человек может оставаться самим собой и одновременно быть включённым в отношения с другими людьми», невозможно сформировать в рамках одного поколения семьи [4; 12]. Обращение к прошлому в юношеском возрасте, также как и обращение к будущему, влияет на представление о себе и формирует личностные смыслы, является элементом системообразующей карты мира, определяющей стремление стать гражданином. Интерес к истории семьи представляется нам важным для юношества. Переживания индивида в процессе получения знаний об истории своей семьи влияют на содержание процесса идентификации человека как на индивидуальном уровне (микро), так и на среднем (малая социальная группа), макро- (большие социальные группы – раса, этнос, гендер, религиозная общность, класс) и мега- (культура, страна, цивилизация) уровне [7].

Познание старшими подростками истории своей семьи представляется нам, исходя из принципа единства переживания и знания, в качестве одного из процессов самоидентификации, оно служит инструментом повышения функционального уровня дифференциации личности (в рамках теории семейных систем М. Боуэна) с целью осознания многомерного пространства жизни, когда представление молодых людей о прошлом, настоящем и будущем синхронизирует их представление об индивидуальном, семейном и историческом времени и формирует мировоззрение [3; 6; 11; 12; 16; 19].

В нашем исследовании мы попытались определить, в какой мере интерес к истории семьи актуален для старших подростков, когда в основном завершается процесс психического развития и на основе полученных знаний открываются бесконечные варианты личностного роста. Неразрывно с формированием научного мировоззрения идёт процесс становления представления человека о самом себе. Роли семьи и семейной истории в развитии личности, в формировании идентичности человека посвящено множество исследований [5; 6; 13; 15; 17; 19]. Любая психотерапевтическая практика не может обойтись без обращения индивида к прошлому, которое входит в систему его представлений о будущем, и самоощущения в текущем жизненном периоде. При всей очевидности данного факта отмечается «дефицит количественных психологических исследований, которые статистически достоверно определяли бы специфику передачи трансгенерационной травмы среди российского населения, … противоречие между значимостью и развитием психологической практики работы с семейной историей и дефицитом объективных научных исследований … влияния межпоколенной трансляции на развитие и становление личности» [1].

Наше исследование посвящено проверке гипотезы о том, что в раннем юношеском возрасте отношение к истории семьи имеет определённую структуру и выступает значимым компонентом мировоззрения.

Исследование проведено с помощью специально разработанной сотрудниками Лаборатории научных основ детской практической психологии ФГБНУ «Психологический институт РАО» (А. Д. Андреева, Л. А. Бегунова) анкеты с названием «История моей семьи». Апробация анкеты проведена на выборке из 38 человек, проживающих в г. Москве, в возрасте от 16 до 24 лет. Среди них: учащиеся 11 классов (20 человек), студенты 1 курса педагогического колледжа (12 человек) и историки-генеалоги (6 человек). В результате апробации была изменена шкала ответов с 2 балльной («согласен» – «не согласен») на 5 балльную шкалу Р. Ликерта: «полностью согласен» – 5 баллов, «частично согласен» – 4 балла, «трудно сказать» – 3 балла, «частично не согласен» – 2 балла, «полностью не согласен» – 1 балл. Анкета состоит из 15 вопросов, направленных на выявление отношения респондентов к особенностям составления родословной: получение информации о предках (работа, увлечения, судьба в годы исторических потрясений), проверка семейных легенд, поиск родственников, информация о наследственных заболеваниях.

Выборку исследования составили 379 учащихся в возрасте от 16 до 19 лет (средний возраст 16,9 лет, 233 девушки, 146 юношей), обучающихся в 10–11 классах (201 человек) и на 1–2 курсах колледжей (178 человек) г. Москвы и Московской области (224 человека), гг. Орска и Челябинска (155 человек).

Информированное согласие на участие в исследовании было получено от всех респондентов.

Анкета «История моей семьи» может использоваться как в индивидуальном, так и в групповом анкетировании. В нашем случае проведено групповое анкетирование педагогами-психологами образовательных учреждений.

Психометрические характеристики анкеты, обработка результатов с помощью методов описательной статистики, метода парных корреляций, эксплораторного факторного и дисперсионного анализа проведена по данным 5-балльной шкалы ответов. В рамках исследовательских задач качественная обработка результатов анкеты (частотный анализ) проведена по 3-балльной шкале, в которой были объединены ответы «согласен» и «частично согласен» – 3 балла, «не согласен» и «частично не согласен» – 1 балл, ответ «трудно сказать» – 2 балла.

Обработка результатов проведена с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics Version 25.

Результаты

Исследование структуры содержания интереса старших подростков к истории семьи проведено с помощью эксплораторного факторного анализа (метод главных компонентов, вращение Варимакс). Мы получили достоверные показатели по критериям использования факторного анализа для наших эмпирических данных: проверка на многомерную нормальность по критерию сферичности Бартлетта (1522,785, ст. св. 105, p=0,000) и по коэффициенту адекватности применения факторного анализа Кайзера-Мейера-Олкина (KMO=0,839). На основании анализа графика собственных значений (анализ главных компонентов), в котором показана зависимость «собственных значений» (значения дисперсий ответов на вопросы) от их

номеров в порядке выделения из набора данных, где «основными компонентами» выступают линейные комбинации исходных переменных (вопросы анкеты), были рассмотрены модели от 2 до 5 факторов (рис. 1).

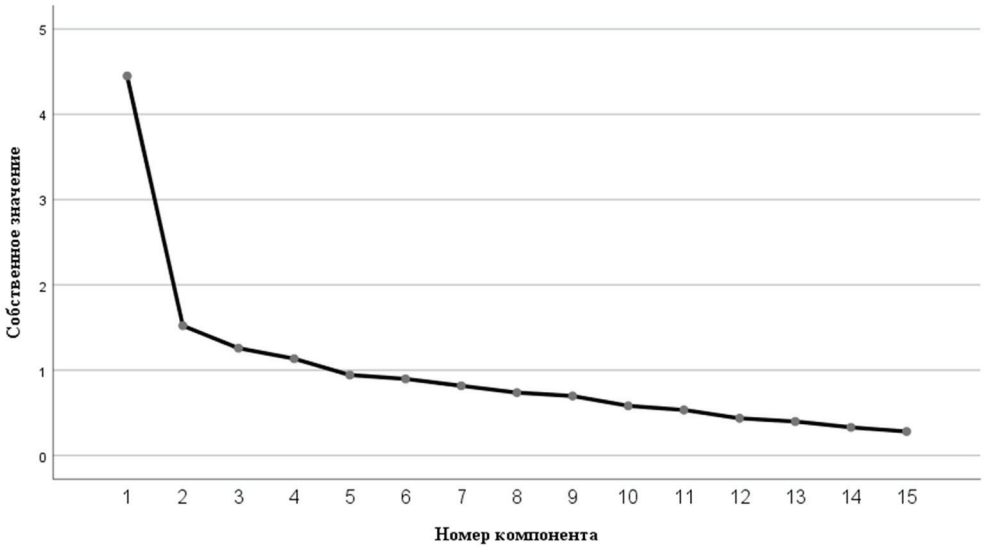

Рис. 1 / Fig. 1. График собственных значений / Eigenvalues plot

Источник: данные автора.

Результат анализа содержания групп вопросов, вошедших в факторы, и показатель кумулятивной дисперсии (55,733%) позволили нам выбрать 4-х факторную модель анкеты, показывающую структуру интереса молодых людей к теме изучения семьи (табл. 1). Выделенные факторы обозначены нами как «Самоидентификация» (1-й фактор, 25,53% дисперсии), «Реальные знания истории семьи» (2-й фактор, 10,99% дисперсии), «Ответственность за членов семьи» (3-й фактор, 9,64% дисперсии), «Позитивный образ семьи» (4-й фактор, 9,25% дисперсии).

Результаты факторных нагрузок вопросов анкеты представлены в таблице 1, значимые корреляционные связи получены по всем 15 вопросам анкеты.

Первый фактор «Самоидентификация» включил в себя 7 вопросов на готовность респондентов к активным действиям по изучению семейной истории с целью расширения границ самопознания. Наиболее значимыми темами для молодых людей при изучении истории семьи явились следующие:

– узнать, кем работали их предки (80,7% респондентов согласились с этим утверждением);

– узнать, какими способностями и талантами обладали предки (83,1% респондентов согласились с этим утверждением);

– принять участие в расследовании истории семьи, узнать судьбу пропавших людей (78,9% респондентов согласились с этим утверждением);

Таблица 1 / Table 1

Повёрнутая матрица компонентов / Rotated Component Matrix

Вопросы анкеты	Факторы			
	1	2	3	4
Вопрос 8: «Мне интересно, чем занимались, кем работали мои дальние предки?»	,834			
Вопрос 7: «Мне интересно, какими способностями или талантами обладали мои предки?»	,814			
Вопрос 9: «Что известно о членах семьи, пропавших без вести в годы исторических потрясений (революции, войны, социальные и национальные конфликты)?»	,750			
Вопрос 4: «Хочу ли я проверить семейные истории и предания?»	,716			
Вопрос 1: «Задумываюсь ли я об истории семьи?»	,674			
Вопрос 5: «Хочу ли я больше узнать о своих национальных корнях?»	,644			
Вопрос 10: «Хочу ли я найти родственников, с которыми потеряны семейные связи?»	,620			
Вопрос 3: «Сейчас модно составлять свою родословную?»		,737		
Вопрос 2: «Я уже много знаю о своей родословной?»		,575		
Вопрос 15: «Кем Вам приходятся самые дальние предки, о которых вам хотя бы что-то известно?»		-,467		,405
Вопрос 14: «Хочу ли я принимать ответственность за возможные проблемы дальних и малознакомых родственников?»			,750	
Вопрос 13: «Моя сегодняшняя семья для меня важнее, чем неведомые предки?»			,707	
Вопрос 6: «Считаю ли я, что необходимо знать о рисках наследственных заболеваний?»			,419	
Вопрос 11: «[если получен ответ «да» на вопрос 10: «Хочу ли я найти родственников, с которыми потеряны семейные связи?»]. Да, вдруг меня ждёт большое наследство?»				,695
Вопрос 12: «Боюсь ли я получить неприятную для себя информацию о прошлом своей семьи?»				,665
Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.[a]				
а. Вращение сошлось за 5 итераций.				

Источник: данные автора.

– узнать семейные тайны и легенды (62,5% респондентов согласились с этим утверждением);

– узнать больше о своих национальных корнях (82,6% респондентов согласились с этим утверждением);

– найти родственников, с которыми потеряны семейные связи (49,1% респондентов согласились с этим утверждением).

Большинство наших респондентов (78,1%) ответили, что они уже задумались над темой семейной истории. Сравнивая наши данные с результатами социологического опроса, проведённого исследовательским холдингом «Ромир» в мае 2017 г. на выборке жителей России от 18 лет, в котором 48% респондентов подтвердили желание узнать историю своей семьи[1], мы можем отметить тенденцию, что интерес к истории семьи может быть выше в группе старших подростков.

Второй фактор «Реальные знания истории семьи» содержит сведения об отношении к составлению родословной: считают ли молодые люди это модным трендом, обладают ли они знаниями об истории семьи и до какой глубины предков, о которых им хоть что-то известно. Чуть больше половины наших респондентов (54,4%) не согласились с вопросом, что интерес к составлению родословной обусловлен модной тенденцией, 61,2% респондентов нашей выборки ответили утвердительно на вопрос о том, что они уже многое знают о своей родословной.

Треть респондентов (30,9%) ответили, что у них есть сведения о предках глубже 4-го поколения (от прадедов), 40,6% знают своих предков до уровня прадедушек и прабабушек, 8,7% – до дедушек и бабушек, а 19,5% наших респондентов отметили, что у них есть сведения только о родителях. Характер распределения респондентов по степени осведомлённости о предках не противоречит данным исследования, опубликованного в 2008 г., в котором обнаружено, что 32% респондентов были осведомлены о поколениях прапрабабушек, 7% респондентов знают членов своей семьи только до 3-х поколений (до бабушек), 52% респондентов – до своих прабабушек и прадедушек [15].

Таким образом, фактически за 15 лет процент респондентов, знающих своих предков от 4-го поколения и глубже, сохранился в пределах трети выборки. В исследовании, проведённом на подростках 14–16 лет, опубликованном в 2014 г., также обнаружено, что 31,25% респондентов были заинтересованы в контактах с членами семьи 3-го и 4-го поколений, они хотят изучать историю семьи [3]. Результаты социологического исследования интереса школьников 13–17 лет России от 2018 г. показали, что треть респондентов (33%) имеют устойчивый интерес к истории страны [14]. С осторожностью сопоставляя результаты независимых исследований изучения интереса к истории семьи и страны, мы можем отметить тенденцию взаимосвязи интереса к истории семьи и интереса к изучению предмета истории, который устойчиво проявляется у трети респондентов различных выборок. Более того, понять судьбу своих предков без контекста исторических событий, при которых они жили, не-

[1] Недюк М. Известия – не помнящие родства [Электронный ресурс]. URL: https://romir.ru/press/izvestiya---ne-pomnyashchie-rodstva (дата обращения: 02.12.2022).

возможно. Интерес к изучению истории личной семьи, на наш взгляд, может выступать в качестве предиктора интереса к исторической науке и формирования научного подхода в оценке событий из жизни своих предков и страны в целом.

Отрицательную корреляцию факторной нагрузки вопроса о реальном знании родословной мы также объясняем тем, что конкретные сведения о предках в семье от 4-го поколения и глубже имеют не более трети респондентов.

Вопросы *3-го фактора* «Ответственность за членов семьи» отражают готовность молодых людей принимать ответственность за возможные проблемы именно ныне живущих родственников. Более половины наших респондентов (54,6%) согласились с тем, что они не хотят принимать ответственность за возможные проблемы дальних и малознакомых родственников, контакты с которыми в семье не поддерживаются. В то же время 73,3% молодых людей нашей выборки ответили, что им важны близкие для них члены семьи.

Важность знания риска наследственных заболеваний отметили 82,3% молодых людей, что, на наш взгляд, выступает индикатором ответственного отношения как к своему здоровью и здоровью ныне живущих родственников, так и в отношении здоровья будущих поколений. Таким образом, ответы респондентов показывают, что для большинства старших подростков важно благополучие близких членов семьи, а тема здоровья представляется одним из элементов ощущения психологического благополучия семьи.

Достоверные различия по этому фактору получены между юношами и девушками. В ходе дальнейшего анализа результатов мы более подробно остановимся на причинах данного феномена.

Вопросы *4-го фактора* «Позитивный образ семьи» содержат сведения об интересе молодых людей к истории своих предков и могут свидетельствовать о возможной межпоколенной травме, связанной со страхом получить неприятную информацию о предках, с угрозами самоидентификации, что в итоге проявляется в сопротивлении к изучению семейной истории. Обнаружено, что 34,8% респондентов боятся раскрытия неприятной информации о прошлом семьи, 21,1% респондентов частично согласны с ними, но 44,1% респондентов дали противоположные ответы, демонстрируя готовность к вероятности получить негативные сведения о предках. Таким образом, можно отметить, что более чем у половины молодых людей нашей выборки (55,9%) имеются в разной степени выраженности страх получения негативной информации о прошлом семьи и отказ от собственной идентификации с прародителями. Мы получили достоверные различия между этими группами респондентов по критерию Стьюдента ($t=2,38$, $p=0,05$).

Меркантильное любопытство (изучить родословную с целью получения наследства) к семейной истории отмечено только у трети респондентов (31,9%).

Вопрос «Кем Вам приходятся самые дальние предки, о которых Вам хотя бы что-то известно?» изначально не был включён ни в один из факторов, и это решение оправдалось: фактор-

ные нагрузки этого вопроса невысокие (-0,467 и 0,465). Тем не менее мы видим, что боязнь получить негативную информацию о прошлом семьи не снижает интереса к её истории.

В данной работе мы получили парные корреляционные связи по коэффициенту Пирсона на уровне значимости p=0,05 между вопросами о страхе получения негативной информации, нежелании быть ответственными за проблемы дальних родственников и вопросами о реальных знаниях о предках (табл. 2). Отрицательная корреляционная связь между вопросами № 2 и 14 свидетельствует, что молодые люди, которые уже много знают о своей родословной, меньше опасаются, что им придётся решать возможные проблемы дальних и малознакомых родственников, а положительная корреляция между опасениями получить неприятную информацию и неготовностью отвечать за проблемы дальних родственников показывает сопротивление к получению сведений об истории семьи. Таким образом, эти результаты близки к данным, полученным в

Таблица 2 / Table 2

Матрица парных корреляций межу реальными знаниями о предках и страхом получить негативную информацию (вопросы 2, 12, 14 и 15) / Matrix of pair correlations between real knowledge about ancestors and fear of receiving negative information (questions 2, 12, 14 and 15)

Вопросы		2	15	12	14
2. Я уже много знаю о своей родословной?	Корреляция Пирсона	1	-0,079	0,086	**-,101***
	Знач. (двухсторонняя)		0,124	0,093	0,049
	N	379	379	379	379
15. Кем Вам приходятся самые дальние предки, о которых Вам хотя бы что-то известно?	Корреляция Пирсона	-0,079	1	0,010	-0,009
	Знач. (двухсторонняя)	0,124		0,849	0,862
	N	379	379	379	379
12. Боюсь ли я получить неприятную для себя информацию о прошлом своей семьи?	Корреляция Пирсона	0,086	0,010	1	**,123***
	Знач. (двухсторонняя)	0,093	0,849		0,017
	N	379	379	379	379
14. Я не хочу принимать ответственность за возможные проблемы дальних и малознакомых родственников?	Корреляция Пирсона	**-,101***	-0,009	**,123***	1
	Знач. (двухсторонняя)	0,049	0,862	0,017	
	N	379	379	379	379
*. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).					

Источник: данные автора.

исследовании взаимосвязи истории семьи и психологического благополучия, в том, «что подростки из группы с высокими показателями психологического благополучия знают семейную историю и проявляют интерес к ней. В группе с низкими показателями психологического благополучия знание семейной истории носит фрагментарный, случайный характер, а отношение к ней чаще безразличное» [3].

По всем выделенным факторам анкеты было получено нормальное распределение (табл. 3).

Результаты описательной статистики по всей выборке и подвыборок юношей и девушек по выделенным факторам представлены в таблице 4.

Таблица 3 / Table 3

Критерии нормального распределения / Normal Distribution Criteria

Критерии нормального распределения				
	Колмогорова-Смирнова[a]		Критерий Шапиро-Уилка	
	Статистика	Значимость	Статистика	Значимость
Самоидентификация	0,129	0,000	0,903	0,000
Реальные знания истории семьи	0,113	0,000	0,975	0,000
Ответственность за членов семьи	0,138	0,000	0,929	0,000
Позитивный образ семьи	0,110	0,000	0,974	0,000
	а. Коррекция значимости Лильефорса			

Источник: данные автора.

Таблица 4 / Table 4

Описательные статистики / Descriptive statistics

Факторы		Среднее	Стандартное отклонение	Стандартная ошибка	Мин.	Макс.
F1	юноши	13,66	6,439	0,533	7	35
	девушки	14,28	6,09	0,399	7	35
	Вся выборка	14,04	6,226	0,32	7	35
F2	юноши	7,57	2,149	0,178	3	14
	девушки	7,85	1,884	0,123	3	13
	Вся выборка	7,74	1,992	0,102	3	14
F3	юноши	6,34	2,397	0,198	3	14
	девушки	5,67	2,256	0,148	3	12
	Вся выборка	5,93	2,331	0,12	3	14
F4	юноши	8,94	2,549	0,211	3	14
	девушки	9,38	2,457	0,161	3	14
	Вся выборка	9,21	2,499	0,128	3	14

*F1 – «Самоидентификация», F2 – «Реальные знания истории семьи», F3 – «Ответственность за членов семьи», F4 – «Позитивный образ семьи»

Источник: данные автора.

Различий средних значений по факторам в подвыборках по переменным региона проживания и образовательного учреждения нет. Тем не менее мы обнаружили ряд достоверных различий средних значений по отдельным факторам по переменной «пола» респондентов (табл. 4). Так, по фактору «Ответственность за членов семьи» по переменной «пол» получены достоверные различия средних значений по критерию Стьюдента (t=2,741, p=0,006). Девушки более настороженно относятся к теме расширения контактов среди родственников. Среди девушек было больше ответов, отражающих их опасения быть ответственными за возможные проблемы дальних и малознакомых родственников, и они более ориентированы на поддержку членов семьи, в которой проживают. Девушки в 2 раза чаще (66%), чем юноши (34%), отмечали важность знания наследственных болезней в семье (табл. 5).

Сравнение ответов юношей и девушек по отдельным вопросам анкеты показало, что девушки в 2 раза чаще, чем юноши, отвечали, что генеалогические изыскания являются модной тенденцией (вопрос № 3, табл. 5). Девушки чаще, чем юноши, готовы были принять в качестве мотива составления родословной возможность получить наследство (вопрос № 11, табл. 5). Интересно, что девушки чаще юношей выражали желание найти родственников, с которыми потеряны связи (во-

Таблица 5 / Table 5

Частотные различия ответов респондентов по переменным пола, региона проживания и образовательного учреждения (школа/колледж) / Frequency differences in respondents' answers by gender, region of residence and educational institution (school/college)

Вопросы анкеты	Согласились с вопросом (в процентах)		Хи-квадрат Пирсона	Значимость
1. Различия между юношами и девушками	*юноши*	*девушки*		
6. Считаю ли я, что необходимо знать о рисках наследственных заболеваний?	34%	66%	15,626	0,000
14. Хочу ли я принимать ответственность за возможные проблемы дальних и малознакомых родственников?	45,2%	60,5%	8,734a	0,013
3. Модно ли составлять свою родословную?	33,5%	66,5%	6,077a	0,048
10. Хочу ли я найти родственников, с которыми потеряны семейные связи?	45,7%	54,3%	12,960a	0,002
11. Конечно, хочу: вдруг меня ждёт большое наследство?	42,1%	57,9%	8,363a	0,015

a. Для числа ячеек 0 [0,0%] предполагается значение меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно 37,37.

Источник: данные автора.

прос № 10, табл. 5), и, одновременно, в выборке девушек больше ответов, отражающих нежелание принимать ответственность за проблемы дальних и малознакомых родственников (вопрос № 14, табл. 5). Настороженность, тревожность девушек из-за расширения границ семьи может быть объяснена тем, что они лучше юношей представляют себе, основываясь на житейском опыте ролевого поведения мужчин и женщин в семье, что значит брать на себя ответственность за других членов семьи. Ответы девушек, посвящённые модной тенденции и возможности получить наследство, могут выступать проекцией отказа от активных действий по изучению истории семьи по причине тревоги за сложившийся позитивный образ семьи. Однако на данном этапе исследования – это только наши предположения.

Интерес к национальным корням, связанный с этнической идентичностью, получаемой в семье, выразили 82,6% респондентов. Таким образом, подтверждается отмечаемый в литературе факт, что принятие этнической идентичности коррелирует с более высоким самопринятием и самооценкой, а также с более низкими симптомами депрессии [21; 22; 23]. Интерес молодых людей к национальным корням заслуживает дальнейшего изучения.

Результаты анкеты показывают, что у половины подростков (49,1%) нашей выборки нарушены семейные связи с ныне живущими родственниками, и они хотели бы найти родственников, с которыми потеряны контакты. Почти 80% подростков (78,9%) высказали желание получить сведения о членах семьи, пропавших без вести в годы исторических потрясений, т. е. фактически почти в каждой семье учащихся есть предки, о судьбе которых никто ничего не знает. Наши данные почти в 2 раза превышают результаты масштабного исследования Института социологии РАН по изучению исторической памяти, приуроченного к столетию Октябрьской революции, согласно которому 48% респондентов ответили, что они не знают, есть ли среди предков пострадавшие от сталинских репрессий, 60% – есть ли среди предков пострадавшие от террора во время Гражданской войны[1].

По-видимому, эти различия обусловлены возрастным составом респондентов – юношей – в нашем исследовании и взрослых в исследовании Института социологии. Данные социологов, этнографов и генеалогов показывают, что интерес к истории семьи в нашей стране начал возникать, когда это стало относительно безопасно в конце 1980-х гг.[2], но по истечению 30 лет больше трети респондентов (34,8%) нашей выборки согласились с тем, что они боятся получить неприятную информацию о прошлом своей семьи.

Таким образом, мы можем отметить, что почти у 80% молодых людей 16–19 лет в семьях присутствует межпоколенная травма, связанная с неизвестной судьбой родственников 4-го, а у многих 5-го и 6-го поколения предков, прабабушек и прадедушек и глуб-

[1] Журенков К. Жить с чистого листа опасно. «Огонёк» о том, к чему приводит разрыв исторической памяти [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3330116 (дата обращения: 10.05.2023).

[2] Журенков К. Жить с чистого листа опасно. «Огонёк» о том, к чему приводит разрыв исторической памяти [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3330116 (дата обращения: 10.05.2023).

же. Современные старшие подростки, также как и их родители, бабушки и дедушки продолжают воспитываться в ситуации, когда степень психической проработки травмы предшествующего поколения, незнание, что происходило в семье, приводит к проблемам с идентичностью [12; 19].

Отсутствие достоверных различий по суммарному баллу всех вопросов анкеты между подвыборками респондентов по переменным пола респондентов, типа образовательного учреждения и региона проживания с помощью t-критерия и дисперсионного анализа позволяют нам предполагать, что полученные данные типичны для всей выборки молодых людей 16–19 лет.

Таким образом, на данный момент анкета «История семьи» позволяет измерить интерес старшего подростка к семейной истории. Она может быть использована в качестве метода, актуализирующего потребность к самопознанию молодых людей через изучение прошлого семьи, когда представление о себе и траектория личностного развития формируются на основе осознания своего прошлого, настоящего и будущего.

Заключение

Результаты нашего исследования подтвердили гипотезу о том, что в раннем юношеском возрасте отношение к истории семьи имеет определённую структуру и выступает значимым компонентом мировоззрения. Несмотря на кризис института семьи, распространение разнообразных типов семейных практик, свыше 80% респондентов продемонстрировали выраженный интерес к изучению истории семьи, истории своего рода. Больше всего старших подростков привлекает возможность самопознания через сведения о том, чем занимались их предки, какие у них были способности и таланты.

В раннем юношеском возрасте интерес к истории семьи имеет оформленную структуру, основными компонентами которой являются самоидентификация, знание истории семьи, ответственность за близких и стремление к сохранению позитивного образа семьи.

Изучение истории семьи может выступать в качестве инструмента «археологии повседневности» [20, с. 85–109], когда процессы познания себя и идентификации старшими подростками на любом уровне формируются в первую очередь через историю близкого семейного окружения. Поэтому неслучайно интерес к своим корням сохраняется у приёмных детей и детей из детских домов независимо от того, насколько благополучны условия, в которых они воспитываются [8].

Получены различия между юношами и девушками по фактору ответственности за членов семьи.

Полученные нами данные показывают, что чем больше старшие подростки знают об истории своей семьи, тем они реже опасаются получить негативную информацию о её прошлом, что способствует снижению уровня семейной тревоги [3; 5; 9]. Однако следует отметить, что в данной работе мы изучали только факт интереса старших подростков к различным аспектам семейной истории.

На данном этапе исследования нам важно было убедиться, проявляют ли современные старшие подростки и юноши интерес к теме изучения се-

мьи. Исследование показало, что содержание разработанной нами анкеты актуально для молодых людей и отвечает возрастным задачам развития. Метод изучения истории семьи может выступать значимым средством личностного развития в воспитательном и педагогическом плане. Перспективы развития исследования мы видим в выявлении взаимосвязи интереса к истории своей семьи с системой ценностных представлений и его роли в формировании самоидентичности учащихся 16–18-летнего возраста.

Таким образом, по результатам исследования интереса подростков к истории семьи можно сделать следующие выводы:

1. В раннем юношеском возрасте интерес к истории семьи имеет оформленную структуру, основными компонентами которой являются самоидентификация, знание истории семьи, ответственность за близких и стремление к сохранению позитивного образа семьи.

2. Чем больше молодые люди знают прошлое семьи, тем меньше вероятность возникновения у них тревоги относительно травмирующей информации о предках.

3. Получены различия между юношами и девушками по фактору ответственности за членов семьи. Девушки с большей осторожностью, чем юноши, относятся к расширению границ семьи, что предположительно можно объяснить более сформированными у девушек представлениями о ролевом поведении в семье и ответственности за близкий круг семейного окружения.

4. Переживания молодых людей в процессе познания истории семьи входят в содержание психологического пространства саморазвивающейся личности, когда «будущее в своей неразвёрнутой форме представлено в настоящем, а прошлое в своём преобразованном виде включено в будущее и подчинено ему» [11, с. 16].

Статья поступила в редакцию 17.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Бимбат С. Д. Некоторые аспекты межпоколенческой передачи травмы [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2022. № 1. URL: https://psyjournal.ru (дата обращения: 24.01.2023).
2. Божович Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
3. Бондаренко Я. А., Якимова Т. В. Осведомлённость в истории своей семьи как фактор психологического благополучия в подростковом возрасте // Клиническая и специальная психология. 2014. Т. 3. № 2 (10). С. 70–83.
4. Варга А. Я. Сложности преподавания теории семейных систем Мюррея Боуэна // Психология и психотерапия семьи. 2022. № 1. С. 21–33. DOI: 10.24412/2587-6783-2022-1-22-34.
5. Варга А. Я., Маркитантова О. А., Черепанов Е. Семейные правила выживания: послания детям // Психология и психотерапия семьи. 2017. № 1. С. 14–23.
6. Волков Р. С., Сачкова М. Е. Актуальные направления зарубежных исследований идентичности подростков // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 2. С. 122–130. DOI: 10.17759/jmfp.2022110211.
7. Гусельцева М. С. Психология повседневности в системе методологии латентных изменений. М.: Акрополь, 2019. 375 с.

8. Кифер Б., Скулер Д. И. Как рассказать правду усыновлённому или приёмному ребёнку. Как помочь ребёнку осознать своё прошлое. Киев: Феникс, 2009. 270 с.
9. Клочко В. Е. Смысловая теория мышления в трансспективе становления психологического познания: эпистемологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2008. № 2. С. 87–101.
10. Клочко В. Е. Уровни сложности психологического мышления и современная когнитивистика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). Вып. 1. С. 37–43.
11. Кубарев В. С. Методологические инструменты постнеклассической психологии: трансспективный анализ // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 6–24.
12. Митрикас Т. А. Феномен межпоколенческой передачи. Влияние семейной истории на возникновение конфликтов в семье [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2021. № 1. URL: https://psyjournal.ru (дата обращения: 12.12.2022).
13. Петрова Е. А. История семьи как межпоколенный ресурс совладающего поведения и средства его получения // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2008. Т. 4. № 2. С. 201–208.
14. Подлесная М. А., Соловьёва Г. В., Ильина И. В. Историческая память: школьники и студенты об истории России // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 55–82. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.711.
15. Регуш Л. А., Алексеева Е. В., Веретина О. Р. Психологические проблемы подростков России периода цифровизации (2010–2020 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2022. № 203. С. 7–21. DOI: 10.33910/1992-6464-2022-203-7-21.
16. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. 712 с.
17. Симоненко И. А. Процесс идентификации ребёнка в семье как механизм межпоколенной передачи травматического опыта [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2014. № 28. URL: http://mprj.ru (дата обращения: 02.12.2022).
18. Солодкова А. В. Развитие представлений о времени в детском возрасте // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 2. С. 93–100. DOI: 10.17759/jmfp.2022110208.
19. Тарабрина Н. В., Майн Н. В. Феномен межпоколенческой передачи психической травмы [по материалам зарубежной литературы] // Консультативная психология и психотерапия. 2013. Т. 21. № 3. С. 96–119.
20. Хорошилов Д. А. Психология социального познания в изменяющемся мире. М.: Акрополь, 2022. 179 с.
21. Brittian A. S., Umaña-Taylor A. J., Derlan C. L. An examination of biracial college youths' family ethnic socialization, ethnic identity, and adjustment: Do self-identification labels and university context matter? // Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology. 2013. № 19 (2). P. 177–189. DOI: 10.1037/a0029438.
22. Hareven T. K. Families, history, and social change: Life-course and cross-cultural perspectives. Abingdon: Routledge, 2018. 408 p.
23. Hareven T. K. The life course and aging in historical perspective // Life course: Integrative theories and exemplary populations. Abingdon: Routledge, 2019. P. 9–25.

REFERENCES

1. Bimbat S. D. [Some aspects of intergenerational transmission of trauma]. In: *Zhurnal prakticheskoj psihologii i psihoanaliza* [Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis], 2022, no. 1. Available at: https://psyjournal.ru (accessed: 24.01.2023).

2. Bozhovich L. I. *Lichnost' i eyo formirovanie v detskom vozraste* [Personality and its formation in childhood]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 400 p.
3. Bondarenko Ya. A., Yakimova T. V. [Awareness in the history of one's family as a factor in psychological well-being in adolescence]. In: *Klinicheskaya i special'naya psihologiya* [Clinical and Special Psychology], 2014, vol. 3, no. 2 (10), pp. 70–83.
4. Varga A. Ya. [Difficulties in teaching Murray Bowen's theory of family systems]. In: *Psihologiya i psihoterapiya sem'i* [Psychology and psychotherapy of the family], 2022, no. 1, pp. 21–33. DOI: 10.24412/2587-6783-2022-1-22-34.
5. Varga A. Ya., Markitantova O. A., Cherepanov E. [Family rules of survival: messages to children]. In: *Psihologiya i psihoterapiya sem'i* [Psychology and psychotherapy of the family], 2017, no. 1, pp. 14–23.
6. Volkov R. S., Sachkova M. E. [Current trends in foreign studies of adolescent identity]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern foreign psychology], 2022, vol. 11, no. 2, pp. 122–130. DOI: 10.17759/jmfp.2022110211.
7. Guselceva M. S. *Psihologiya povsednevnosti v sisteme metodologii latentnyh izmenenij* [Psychology of everyday life in the system of methodology of latent changes]. Moscow, Akropol' Publ., 2019. 375 p.
8. Kifer B., Skuler *D. I. Kak rasskazat' pravdu usynovlyonnomu ili priyomnomu rebyonku. Kak pomoch' rebyonku osoznat' svoyo proshloe* [How to tell the truth to an adopted or foster child. How to help your child understand their past]. Kiev, Feniks Publ., 2009. 270 p.
9. Klochko V. E. [The semantic theory of thinking in the perspective of the formation of psychological knowledge: an epistemological analysis]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology], 2008, no. 2, pp. 87–101.
10. Klochko V. E. [Levels of complexity of psychological thinking and modern cognitive science]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 2012, no. 4 (20), iss. 1, pp. 37–43.
11. Kubarev V. S. [Methodological tools of post-non-classical psychology: transspective analysis]. In: *Sibirskij psihologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Psychology], 2015, no. 58, pp. 6–24.
12. Mitrikas T. A. [The phenomenon of intergenerational transmission. The influence of family history on the occurrence of conflicts in the family]. In: *Zhurnal prakticheskoj psihologii i psihoanaliza* [Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis], 2021, no. 1. Available at: https://psyjournal.ru (accessed: 12.12.2022).
13. Petrova E. A. [Family history as an intergenerational resource of coping behavior and means of obtaining it]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Social'naya rabota. Yuvenologiya. Sociokinetika* [Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics], 2008, vol. 4, no. 2, pp. 201–208.
14. Podlesnaya M. A., Solovyova G. V., Ilina I. V. [Historical memory: schoolchildren and students about the history of Russia]. In: *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2021, vol. 12, no. 2, pp. 55–82. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.711.
15. Regush L. A., Alekseeva E. V., Veretina O. R. [Psychological problems of adolescents in Russia during the period of digitalization (2010–2020)]. In: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], 2022, no. 203, pp. 7–21. DOI: 10.33910/1992-6464-2022-203-7-21.

16. Rubinshtejn S. L. *Osnovy obshchej psihologii* [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000. 712 p.
17. Simonenko I. A. [The process of identifying a child in a family as a mechanism for intergenerational transmission of traumatic experience]. In: *Medicinskaya psihologiya v Rossii* [Medical psychology in Russia], 2014, no. 28. Available at: http://mprj.ru (accessed: 02.12.2022).
18. Solodkova A. V. [Development of ideas about time in childhood]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern foreign psychology], 2022, vol. 11, no. 2, pp. 93–100. DOI: 10.17759/jmfp.2022110208.
19. Tarabrina N. V., Majn N. V. [The phenomenon of intergenerational transmission of psychic trauma [based on foreign literature]]. In: *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2013, vol. 21, no. 3, pp. 96–119.
20. Horoshilov D. A. *Psihologiya social'nogo poznaniya v izmenyayushchemsya mire* [Psychology of social knowledge in a changing world]. Moscow, Akropol Publ., 2022. 179 p.
21. Brittian A. S., Umaña-Taylor A. J., Derlan C. L. An examination of biracial college youths' family ethnic socialization, ethnic identity, and adjustment: Do self-identification labels and university context matter? In: *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 2013, no. 19 (2), p. 177–189. DOI: 10.1037/a0029438.
22. Hareven T. K. Families, history, and social change: Life-course and cross-cultural perspectives. Abingdon, Routledge, 2018. 408 p.
23. Hareven T. K. The life course and aging in historical perspective. In: *Life course: Integrative theories and exemplary populations*. Abingdon, Routledge, 2019, pp. 9–25.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бегунова Людмила Анатольевна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории научных основ детской практической психологии Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований;
e-mail: lab6510@list.ru; ORCID: https://orcid.org/ 000-0002-9704-7096

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ludmila A. Begunova – Cand. Sci. (Law), Leading Researcher of the Laboratory of the Scientific Foundations of Applied Child Psychology of Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research;
e-mail: lab6510@list.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9704-7096

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бегунова Л. А. История семьи в системе предпосылок формирования мировоззрения в юношеском возрасте // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2023. № 3. С. 65–81.
DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-65-81

FOR CITATION

Begunova L. A. Family history in the system of prerequisites for the formation of world view in youth. In: *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences], 2023, no. 3, pp. 65–81.
DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-65-81